

КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО УПАДКА НАСИЛИЯ СТИВЕНА ПИНКЕРА И РЕАКЦИЯ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Дятлов Иван Иванович,

младший научный сотрудник

Института философии и права СО РАН,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8;

преподаватель специализированного учебно-научного центра НГУ,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова 11/1

ORCID: 0000-0002-3436-0368

i.diatlov@g.nsu.ru

Аннотация

Две напумевшие книги о насилии Стивена Пинкера предлагают масштабный метанарратив о движении человечества к разуму, прогрессу и гуманизму. В статье кратко обобщаются основные методологические предпосылки автора. Также анализируется концептуальный каркас теории, которая базируется на нескольких ключевых идеях: государстве, взаимовыгодной торговле, укрощении нравов и Просвещении. Предполагается, что общество, проходя последовательно через такие стадии-идеи, движется в сторону большего прогресса и ограничения насилия.

В качестве критических замечаний иллюстрируются ограниченность избранного метода и несоответствие его поставленным задачам. Во-первых, автор использует принятый в криминологии способ подсчета количества убийств на сто тысяч популяции, что может охарактеризовать лишь один сегмент насилия. Во-вторых, измеряемое насилие не всегда коррелирует с другими насильственными преступлениями. Также указываются объективные трудности работы с имеющейся статистикой. В частности, мы сталкиваемся с отрывочностью сведений и несопоставимой методологией сбора данных у предшественников. Дополнительно выявляются ошибки, неточности, а в некоторых случаях – сознательные искажения в репрезентации данных. Стивен Пинкер нередко прибегает к слишком масштабным обобщениям и сравнениям сложносоставимых случаев. Многие исследователи также замечают, что автор пользуется непрофессиональной литературой. В части концептуальных идей критики замечают неосведомленность автора в современных дискуссиях и игнорирование разночтений в трудах тех классиков, которые использованы в работе. Следует также отметить и достаточно недружелюбный тон дискуссии со стороны всех участников,

поскольку спор идет о больших идеях, что нередко выливается в прямые оскорбления и навешивание ярлыков. В заключении отдается должное трудам Стивена Пинкера в качестве коммуникативного вызова научному сообществу, но с содержательной точки зрения попытку доказать неумолимый спад насилия в истории следует признать неудачной.

Ключевые слова: насилие, упадок, Стивен Пинкер, Просвещение, Норберт Элиас, цивилизационный процесс, Левиафан.

Библиографическое описание для цитирования:

Дятлов И.И. Концепция глобального упадка насилия Стивена Пинкера и реакция научного сообщества // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 2, ч. 2. – С. 325–345. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-325-345.

Введение

Уже практически десять лет как не стихают дебаты вокруг всемирно-исторической концепции Стивена Пинкера о снижении насилия. И если в первой книге представлена сама концепция и ее аргументы [19], то вторая книга является частично ответом на критику, частично – продолжением и углублением аргументации книги предыдущей [20]. Актуальности этим дебатам в российском научном дискурсе добавляет и факт практически одновременного перевода двух больших книг о насилии и прогрессе в истории [3, 4].

Как отмечают редакторы большого сборника работ против теории Пинкера [13, р. 2], такие книги в целом не вызывают столь бурных эмоций, и обычно мы приветствуем любые попытки доступным языком и популярным образом объяснять сложные концептуальные проблемы. В этом смысле две книги о насилии Пинкера схожи с научно-популярными трудами Джареда Даймонда [1], Тома Пикетти [2] или же Юваля Харари [6]. Однако на этом сходство заканчивается. Упомянутые авторы, как правило, предлагают критический нарратив о прошлом, а их анализ современности или будущих возможностей всегда несет на себе скептический оттенок и осторожные оговорки. Однако Пинкер своим *opus magnum* создает масштабную апологию современности, не скупясь даже на такие фразы, как «...мы сегодня живем в самую мирную эпоху за все время существования нашего вида» [3, с. 17].

Всё это в совокупности заставило ученых самых разных специальностей (от социологов до антропологов) объединиться против теории Пинкера, для того чтобы высказать критику и существенно «подправить» телеологичный нарратив обеих книг о неизменном движении к прогрессу, разуму и гуманизму. В конце 2017 года группа ученых вокруг Центра по изучению насилия (CSoV) получила предложение написать по краткой статье с критикой теории в журнал *Historical Reflections/Réflexions Historiques*. В конце концов все статьи были объединены и опубликованы отдельной

книгой под названием «*On Violence in History*». С учетом выхода второй книги автора большинство статей были существенно расширены. Также были приглашены новые участники. Выход в сентябре 2021 года книги «Худшее в нас»¹ существенно дополняет и систематизирует наработанный по сей день критику теории снижения насилия, предложенную Стивеном Пинкером.

Концепция Пинкера

Стивен Пинкер полагает, что в долгосрочной исторической перспективе (от археологической древности до цифровой современности) насилие неуклонно снижалось с каждым важным рубежом, через который проходили общества.

Для доказательства своей убежденности ученый прибегает к построению графиков. Пинкер пользуется методологией современных криминологов, которая основывается на подсчете количества убийств на сто тысяч человек.

Судя по всему, такой подход призван решить несколько задач. Во-первых, это самый доступный из возможных способов выявить динамику (спады-подъемы, плато) насилия. Человеческие трупы невозможно не заметить, и трудно от них избавиться. Если же нет трупов, то всегда можно обратиться к материальным останкам (скелетам). Во-вторых, это интуитивно укладывается в наше представление о насилии. Практически в каждом обществе убийство соплеменника или гражданина является табуированным деянием. Таким способом можно показать динамику обыденного насилия внутри общества, а также динамику крупномасштабных насильственных конфликтов (войны, революции, восстания и сепаратизм). Для составления своих графиков Пинкер использует самые разнообразные источники: от исторических трудов до современных цифровых баз данных. Обе книги снабжены сотнями графиков, иллюстрирующих позицию ученого.

Если кратко охарактеризовать основной методологический выбор Пинкера несложно, то основной концептуальный каркас описать в двух абзацах не получится. Ученый полагает, что за постепенное уменьшение насилия ответственны несколько ключевых событий-идей.

1. Государство (*Leviathan*). Там, где возникает государство, мы неизменно видим благотворный эффект снижения насилия. В основном это доказывается через исторические примеры. Первобытные сообщества охотников-собирателей практикуют кровную месть, которая лишь способствует раскручивающейся спирали насилия. Как только в обществах возникает централизованное государство, оно в короткий исторический срок заставляет общество отказаться от убийств на почве мести и раздутой мужской

¹ Аллюзия-перевертыш перевода названия на русский язык.

чести. Вместо этого государства вводят третьего арбитра – суды и трибуналы. Насилие начинает контролироваться полицией, дружинами, ополчением, а судебные наказания в совокупности заставляют людей сохранять мир и спокойствие. С течением времени государство начинает функционировать всё лучше и лучше: появляется централизованная бюрократия и эффективная система налогообложения; развиваются процедуры легитимации власти; возникают важнейшие национальные символы. В конце концов общества движутся в сторону верховенства права и демократии с консолидированным контролем над средствами насилия и честными, конкурентными выборами ключевых политических должностей [3, с. 92].

Пинкер иллюстрирует позитивное воздействие государства, ссылаясь на антропологов. Там, откуда ушли колониальные власти по итогам процессов середины XX века, мы видим вновь появившийся трайбализм и участвовавшие войны, но теперь уже при наличии современного оружия. Также мы видим тенденцию к понижению уровня насилия в зависимости от количества политических единиц. Чем меньше территориальных претензий и пограничных конфликтов – тем лучше. Если во времена Тридцатилетней войны было около 500 политических единиц, то к середине XX века их стало не более 30. Когда политические единицы сливаются в более масштабное формирование, они также подчиняются логике Левиафана, поскольку каждый крупный насильственный конфликт несет убытки с точки зрения единого территориального государства. Иными словами, Левиафан-государство – это своеобразный фермер, который не дает своей скотине драться и причинять ущерб, потому что для хозяйства это сплошные убытки [3, с. 306, 307].

2. Благотворная торговля (*gentle commerce*). Вплоть до позднего Средневековья (Пинкер не оговаривает строгую хронологическую границу) феодальная экономика не претерпевала изменений и земля с крестьянами оставалась важнейшим экономическим активом. Учитывая недоброжелательность христианских иерархов к торговле и накоплению капитала, а также рост населения, неудивительно, что единственный способ сохранить свой уровень жизни или приумножить капиталы – напасть на соседа и отобрать землю у него. Такая конфигурация общества не допускает выигрыша одного без проигрыша другого.

Важнейшие изменения происходят на рубеже XIV–XV веков, когда европейцы, захваченные гуманистическими идеями Возрождения, начинают оправдывать торговлю и технологические изобретения. Натуральный обмен постепенно вытесняется национальной денежной системой, что идет рука об руку с усилением государства. Технологические достижения в области логистики (дороги, подковы) и средства производства (ткацкие, прядильные станки, мельницы) позволяют запустить более свободную и бы-

струю торговлю, что способствует увеличению разделения труда. Всё это в совокупности позволяет зафиксировать начавшийся в период позднего Средневековья процесс накопления излишков труда, которые европейцы конвертировали в блага и вливали обратно в производство.

Осталось пояснить, как это связано с насилием. Пинкер полагает, что свободная торговля является неотъемлемым атрибутом гуманизации общества. В обществе, в котором возможен свободный и взаимовыгодный обмен, постепенно отмирают преимущества грабежа в сравнении с торговлей. Это связано и с тем, что упрочившее свой репрессивный аппарат государство способно накладывать такие наказания за грабежи и имущественные преступления, что в конце концов игра с положительной суммой становится выгоднее и безопаснее. Но основное изменение носит ментальный характер. Свободная торговля меняет побудительные мотивы акторов. Живой человек как держатель каких-то продуктов и капиталов приносит больше пользы, чем мертвый. Но торговля не только предполагает ситуацию, в которой каждый отдает нечто более ценное для другого, приобретая нечто более ценное для себя. Свободная торговля полностью меняет конфигурацию поведения: нужно понимать потребности ближнего. Хорошая реклама, общая угодливость и доброжелательное расположение в таком обществе являются основой заботы о потребителе, иначе он уйдет к конкуренту. Таким образом, забота о собственном благе в условиях рынка развивает способность к эмпатии: необходимо понимать чужую точку зрения, планировать будущее, подавлять свои эмоциональные импульсы, развивать навыки социального взаимодействия. А это и есть процесс гуманизации социальных порядков в самом широком смысле слова [3, с. 113–116].

3. Цивилизующий процесс (*civilizing process*). Третья идея, которую отстаивает Пинкер, основывается на трудах немецкого социолога Норберта Элиаса, чьи основные положения изложены в знаменитой двухтомной монографии [8, 9]. Кумулятивный эффект происходит тогда, когда складывающиеся централизованные государства с сильным аппаратом принуждения начинают пожинать экономические выгоды от свободной торговли. Постепенно всё это выливается в расширение круга эмпатии и способности к самоконтролю в европейских обществах.

Пинкер (вслед за Элиасом) полагает, что важнейшую роль в процессе гуманизации и снижении насилия сыграл этикет и его дальнейшая экстраполяция на широкие слои населения. Идея этикета в современном понимании уходит корнями в придворную куртуазную культуру, которая служила социальным механизмом отделения своих от чужих. Иными словами, придворные круги учились утонченным манерам, вырабатывая особый протокол поведения, по которому без труда можно было отличить человека высшего общества от человека из нижних социальных страт. Люди

благородного происхождения начинают следить за своей гигиеной, употреблять пищу только с помощью столовых приборов. Интимная жизнь и секс стремятся скрыться от посторонних глаз. Изначально это способствует тому, что определенный круг людей с помощью возникшей культуры придворных приличий стимулируют чувство автономности (субъектности): тело чужого человека неприкосновенно, и ему нельзя наносить вред. Любые же споры следует регулировать не с помощью бездумного кровопролития, а либо через третью сторону, либо же с помощью специальных правил.

С ростом централизованного государства эти приличия стали всё больше проникать в культуру богатых, а затем и вовсе стали «второй природой» обычного человека. Это происходило не сразу, а постепенно, но процесс шел неукоснительно в сторону ограничения своей импульсивности и ко всё большему контролю за собственным поведением [3, с. 228–230].

4. Просвещение (*Enlightenment*). Кумулятивный эффект достигает своего предела в XVIII веке, доводя до логического завершения все те процессы, что начались ранее в истории: усиление национального государства, развитие рынка и нравственности, которая созревает до полнейшего омерзения к грязи и видимым телесным выделениям.

Здесь Пинкер основывается на идеях философа Питера Сингера [21] и историка Линн Хант [16], которые полагают, что процесс эмпатии достиг своих высоких значений именно в эпоху Просвещения. С каждым витком развития эмпатии мы всё больше и больше расширяем круг существ, чье благополучие нам важно так же, как свое собственное. Ученый полагает, что основной фактор, ответственный за это, – грамотность.

Возникновение книгопечатания и ускорение процесса распространения знаний стали основным фактором расширения круга эмпатии. Как свидетельствует Линн Хант, уже к XVII веку европейцы не только читают религиозную литературу, но и активно осваивают светские книги: памфлеты, периодику, а также отчеты о географических путешествиях. В XVIII веке происходит настоящая революция чтения, поскольку возникает стабильная читательская аудитория.

В чем заключается гуманизирующая роль чтения? Чтение позволяет перенимать перспективу «Другого». С ростом грамотности и появлением культуры чтения про себя люди начинают чувствовать и видеть в ярких красках тот опыт, который недоступен им лично. Люди отдают себе отчет в том, что они на какое-то время перенимают перспективу другого человека на мир, идеи и ощущения от событий. Но еще более важно понимание, что другое сознание принадлежит точно такому же человеку, как ты, с чувствами, разумом и своей субъективной точкой зрения, несхожей с твоей.

Линн Хант полагает, что привычка к чтению позволяет свыкнуться с перспективой чужого человека и усомниться в своих убеждениях. Чтение мемуаров путешественников либо же сентиментальных эпистолярных романов развивает эмпатию и углубляет картину мира. В совокупности же навык постоянного чтения поднимает человека над ограниченной точкой зрения и заставляет усомниться в центральных основах мироздания. Так происходит триумф Разума [3, с. 234–237].

Именно в конце XVIII века национальные государства достигают своего могущества. Развивающаяся рыночная экономика постепенно повышает благосостояние населения. Увеличивающееся благосостояние позволяет людям получать минимальное образование. Образование же, в свою очередь, влияет как на экономику, так и на культуру. Необходимость самого жестокого, потогонного труда постепенно отпадает в связи с механизацией производственного процесса. В конце концов европейцы приходят к сомнению в божественной природе власти и совершают вывод о необходимости разумного социального реформизма. Появившиеся конституции закрепляют базовые неотъемлемые права человека.

Безусловно, это очень краткий пересказ обширной концепции, и часть логических связей с необходимостью пропущена. Однако он отражает общую суть: нарастающее движение к разуму и прогрессу. И хотя на каждом пути всегда есть тормоза и преграды, у Пинкера к каждому случаю находится объяснение, почему это лишь временная трудность. Вспышки войн в конце XIX – начале XX века объясняются ростом романтического милитаризма и превознесением военных добродетелей [3, с. 314, 315]. Ужасы XX века списываются на развитие ключевых идеологий с их разрушительной способностью к индоктринации и разжиганию ненависти [3, с. 419, 420]. Проблемы конца XX – начала XXI века увязываются с неверием в прогресс, пессимизмом и консервативными убеждениями [4, с. 54]. В любом случае динамика насилия указывает как на небольшие всплески насилия, так и на явный и неизменный тренд к улучшению человеческого благополучия.

Методологические возражения

Часть исследователей не согласны с предложенной концепцией и с тем методологическим инструментарием, которым воспользовался Стивен Пинкер для доказательства своих идей. В общем виде критику методологического аппарата можно разделить на три части: а) выбранным способом нельзя измерить и доказать те цели, которые поставил себе автор; б) даже если способ адекватный, существуют объективные препятствия; в) даже если способ адекватный и препятствия преодолимы, сам автор допускает грубые ошибки и искажения.

Метод. Основная критика касается метода подсчета количества смертей на сто тысяч популяции. Дело даже не столько в том, что смерти невозможно подсчитать. Напротив, учитывая современные статистические ведомства, строгую методологию и огромные усилия криминологов, сегодня мы способны делать такие учеты [17, р. 41]. Однако основной вопрос заключается в том, что мы в итоге меряем таким способом. Пинкер полагает, что цифры говорят сами за себя и демонстрируют снижение насилия. Однако это далеко не очевидно.

Во-первых, автор не обосновывает свою концепцию насилия вообще, а также выбранную переменную (*proxy*). Учитывается только прямое насильственное столкновение (*interpersonal violence*), игнорируются любые другие виды насилия и принуждения. При таком подсчете остается неучтенным множество других факторов. Например, мы не способны подсчитать косвенные потери от войны в результате голода и болезней населения. Игнорируя точку зрения жертвы, а не актора насилия, невозможно учесть совокупный масштаб разрушения и потерь [22, р. 35, 36]. На напрашивающееся возражение о том, что хронический стресс и пережитый голод невозможно измерить, можно ответить тем, что насилие напрямую также неизмеримо: нам всегда нужно находить переменную-посредник.

Но важнее оказывается факт тотального игнорирования современных форм насилия, которые не вписываются в концепцию автора, поскольку квалифицируются в большей степени по психологическим эффектам. Показательны факт игнорирования такой формы насилия, как траффинг, и комментарий Пинкера. Специалисты по данному вопросу отмечают теневой характер данного вида насилия: тысячи людей из бедных регионов или регионов, опустошенных вооруженными конфликтами, пополняют армию принудительной рабочей силы. Собрать точную статистику невозможно, но часть траффинга – дешевый секс, часть – работа под угрозой насилия и без достойной оплаты [12, р. 9, 10].

Стивен Пинкер не учитывает траффинг, поскольку любые названные цифры в лучшем случае отражают примерный масштаб проблемы. С другой стороны, траффинг ничем не схож с классической торговлей рабами, ведь сейчас мы не увидим людей в кандалах в трюмах кораблей. Поэтому положение принудительной рабочей силы сегодня несопоставимо лучше, чем когда-либо. Единственный комментарий, который оставляет на страницах своей книги автор, выглядит следующим образом:

«Уравнивание современного траффинга с системой рабского труда, в частности с трансатлантической работорговлей, в лучшем случае малоубедительно. В XVIII–XIX вв. африканских рабов похищали или брали в плен на войне. Их переправляли на кораблях в Новый Свет – в пожизненное рабство, вырваться из которого не могли ни они, ни их дети.»

II хотя некоторые жертвы современного траффинга тоже были похищены... большая его часть – это миграция, в которой что-то ужасным образом пошло не так. Жертвы покидают свои дома добровольно, хотя порой их к этому подталкивают обстоятельства: они уезжают в поисках лучшей жизни, более благополучной или более интересной, и попадают в ловушку, где им угрожают и их эксплуатируют. Тем не менее это положение дел редко длится всю их жизнь, и жертвы траффинга не передают свой статус раба по наследству» [3, с. 212, 213].

По мнению многих критиков, такой беспомощный комментарий свидетельствует лишь об одном: автор действительно не осознает, что насилие не статично. Пинкер рассматривает насилие как статичное явление, но в действительности это не только явление, но и процесс. С изменением социальных порядков и технологических укладов видоизменяются формы насилия и принуждения. Еще один показательный пример – детская порнография и сексуальная эксплуатация. Вряд ли мы можем посчитать точные цифры сексуальных унижений, но рынок видеопродукции стремительно возрос с появлением широкополосного Интернета. К слову, совсем недавним изобретением является месть партнеру при расставании с помощью выкладывания интимных фотографий в сеть.

Таким образом, вряд ли ученый выполнил свою задачу – доказал всеобъемлющее снижение насилия. В лучшем случае таким методом с большими оговорками можно проиллюстрировать статистику прямых убийств [12, р. 11, 12].

Во-вторых, как отмечает ряд авторов [17, 22], проблема заключается не только в том, что мы меряем лишь прямые насильственные взаимодействия, но и в слабой связанности с другими типами насилия. Если мы видим устойчивый тренд на снижение убийств, это вовсе не говорит о понижении насилия вообще. Более того, мы часто видим, что тренды друг другу противоречат: снижение статистики убийств идет рука об руку с повышением статистики других насильственных преступлений [17, р. 42].

Объективные трудности. Среди самых частых препятствий, которые отмечают исследователи, можно перечислить следующие.

а) *Рваная статистика.* Несмотря на наличие в развитых обществах строгой методологии и эффективных институтов по сбору криминологической статистики, даже сегодня мы сталкиваемся с неполными данными. Например, часть данных не собирается только потому, что целые категории преступлений не охватываются отчетами из-за отсутствия обращений в правоохранительные органы. Самый репрезентативный пример – пьяные драки и сексуальное насилие. Многие жертвы решают умолчать о случившемся либо же решить вопрос в обход институтов по охране порядка.

Проблема в разы ухудшается, чем дальше мы удаляемся от современности. В особенности вопиющая неполнота данных ощущается для до-

письменной истории человечества. К примеру, знаменитая мезолитическая стоянка в Видбэке (Дания) содержит 21 скелет с некоторыми следами насильственной смерти, что позволяет сделать некоторые выводы о доисторическом насилии. Однако схожего мезолитического памятника нет в Британии, что уже не позволяет сделать никаких обобщений об уровне насилия в Европе.

б) *Способы сбора статистики.* Когда дело доходит до использования имеющихся данных, мы сталкиваемся с тем, что наши исторические предки мыслили другими категориями при сборе данных. Специалист по средневековой Англии Сара Батлер указывает на проблему подсчета популяции практически любой местности. Основным способом реконструкции популяции городов и сельских округов является обращение к налоговым материалам. Однако налоги в те времена собирали не с человека, а с домохозяйства. Это заставляет нас умножать количество домохозяйств на предполагаемый средний размер семьи. Скольких зависимых от отца – главы домохозяйства (женщин, детей, родственников и стариков) мы не учли, остается загадкой. Кроме того, как отмечает Батлер, часть населения и даже целые регионы просто не учитывались в статистике. Самые крупные города в виду их благополучия не имели первостепенной значимости (Лондон, Винчестер) для королевского налогового учета. Также в статистику не входили религиозные ордена и персонал, обслуживавший замки [10, р. 121].

в) *Несоответствия номенклатуры.* При сборе имеющихся данных еще одним важным препятствием является несоответствие современных понятий и их содержания историческим аналогам. Уже упоминаемая Сара Батлер на примере средневековой Англии отлично это демонстрирует. С учетом современных медицинских знаний сегодня в статистике смертности отдельной строчкой числится «синдром внезапной детской смертности» (SIDS), при котором происходит остановка дыхания у внешне здорового младенца. Последующее вскрытие не позволяет установить причину смерти. Не стоит и говорить, что в Средневековье такого понятия не существовало: множество детских смертей списывали на нянечек или обвиняли матерей в удушении ребенка во сне. Не стоит списывать со счетов также отсутствие вентиляции и соломенные кровати, в которых младенцу легко было задохнуться.

Но самый поразительный пример Батлер касается изнасилования. Такой термин в уголовном правоприменении средневековой Англии существовал, но обладал несколько иными смыслами. Понятие «изнасилование» (*rape*) ведет свое происхождение от латинского глагола *rapere*, что означает *похищать*. В судопроизводстве Англии того времени поэтому существовало два типа изнасилований, и некоторые случаи вовсе не были связаны с отсутствием согласия со стороны женщины. Обвинение в изна-

силования могли предъявить соседнему семейству, поскольку невеста вышла замуж без согласия отца. Ответчиком по делу об изнасиловании мог быть и родной брат женщины, который помог ей сбежать от ненавистного жениха. Контекстуально такие случаи различались: в одном случае в обвинительном акте указывалась фраза **rapuit et cognovit carnaliter** (*он изнасиловал ее и плотски познал ее*), в другом же случае использовалась формулировка **rapuit et abduxit** (*он изнасиловал ее и похитил*) [10, p. 135, 136].

г) *Исторический контекст.* Последнее существенное замечание касается обстоятельств тех или иных данных. Общая идея заключается в том, что сырые данные мало что могут сказать без соответствующей контекстуализации. Данные начинают обретать смысл и о чем-то свидетельствовать только после тщательной интерпретации и реконструкции исторических событий.

Филип Дуайер и Марк Микейл приводят случай смерти Маргарет Кристендаттер. В 1741 году женщина убивает девятилетнюю девочку. Этот случай легко занести в статистику прямых убийств, если не знать, что Кристендаттер хотела совершить самоубийство. Но поскольку потенциальные самоубийцы в середине XVIII века боялись греха самоубийства, они выбирали самоубийство с помощью убийства другого. В таком случае следовало официальное обвинение в убийстве и смертный приговор. Будучи истово верующими, они верили, что их души будут спасены милосердным Богом [12, p. 16].

Сара Батлер указывает на еще одно контекстуальное затруднение. Когда мы смотрим на уцелевшие средневековые данные, нам необходимо заниматься исторической идентификацией, чтобы избавиться от инфляции цифр. Большинство средневековых записей еще не содержит устойчивых фамилий, это произошло позднее. Соответственно, часто люди идентифицируются по профессии (*John Smith*), по родной деревне (*John of Appletreewick*), по текущему месту пребывания (*John Bythebrook*), по отношению к родному отцу (*John son of John Cook*) или даже по физическому недостатку (*Blind John*). Для того чтобы убедиться в отсутствии двойников и тройников, необходима тщательная работа с источниками и сопутствующими историческими трудами [10, p. 130, 131].

Ошибки, неточности и искажения. Пинкер также принял на себя довольно внушительную критику, которая касалась уже лично его, а не метода или объективных затруднений.

а) *Использование плохой литературы.* Часть критиков обвиняют Пинкера в неразборчивом отношении к тем дисциплинам, из которых тот черпает данные. Когда приходишь с исследовательским любопытством в чужие дисциплины, следует удостовериться, что обращаешься к авторитетным трудам и охватываешь поле дискуссии вокруг выбранной проблемы. Ины-

ми словами, если бы Пинкер каждый раз тщательно работал с серьезной литературой, он не написал бы столько толстых книг.

Когда Пинкер характеризует варварское Средневековье, научные ссылки выглядят особенно плохо. Исследователи обращают внимание на то, что оценочные суждения выносятся на основании иллюстрированных каталогов пыточных инструментов или же трудов, написанных профессиональным глотателем мечей [22, р. 31, 32]. Когда дело доходит до ужасов испанской инквизиции, Пинкер называет заоблачную цифру в 350 тысяч сожженных и повешенных. Мэттью Рестолл, специалист по колониальной Латинской Америке, указывает, что Пинкер основывает свои оценки на компилятивных трудах Мэттью Уайта, который, будучи историком-библиотекарем, собирал все упоминания о казнях в трудах середины XIX века. В свою очередь, цифры в книгах XIX века являются экстраполяциями францисканских монахов и католических комментаторов сразу же после падения ацтекской империи. Демонизация дикарей и сознательные искажения были присущи первым комментаторам. В любом случае сегодня мы полагаем эти данные устаревшими [23, р. 225, 226].

Ведущий специалист по испанской инквизиции Йозеф Перес, основываясь на сохранившихся протоколах инквизиции, полагает, что за всю эпоху инквизиции от Перу до Сицилии (1478–1834) лишь 1,8 % всех судебных процессов заканчивались казнями. По оценке Переса, это составляет 810 человек. Другие специалисты не согласны и доводят общий счет до двух-трех тысяч, но Пинкер явно не в курсе этих дискуссий [12, р. 9].

б) *Чрезмерные обобщения.* Когда приходится работать со скудными, отрывочными данными, автор не стесняется совершать слишком масштабные обобщения, сделать которые из имеющихся данных невозможно. Уже упоминавшаяся мезолитическая стоянка в Видбэке (Дания) является для Пинкера основанием для обобщения насильственной ситуации на территории Северной Европы [15, р. 111]. Пинкер также обращается к знаменитой стоянке Джебель Сахаба в Судане, где нашли 61 скелет с датировкой 14–12 тыс. лет до н. э. По крайней мере, 24 скелета имеют следы насильственной смерти, что в совокупности дает нам статистику смертности, превышающую порог в 40 % от популяции. Однако абсолютные цифры настолько ничтожны, что невозможно сделать точный вывод не только для данной территории, но и тем более для всего доисторического насилия [17, р. 47].

в) *Некорректные сравнения.* Исследователи также указывают на несопоставимые сравнения, к которым прибегает автор концепции. Доказывая неверное представление о разрушительном XX веке, Пинкер полагает, что следует считать скорее относительные значения в пропорции к популяции, нежели абсолютные цифры. В таком случае китайское восстание Ань Лупаня (756–763), которое унесло жизни 36 миллионов человек, является

самым разрушительным кровавым конфликтом за всю историю, лишившим жизни 1/6 части населения Земли.

Примечательно также сравнение жертв классической работорговли и жертв Второй мировой войны. События вряд ли поддаются сравнению: одно событие длилось шесть лет по большей части на территории европейского континента, а другое – сотни лет, и преимущественно в треугольнике между Западной Европой, Черной Африкой и обеими Америками с центром в карибском бассейне.

Что касается насильственных конфликтов, то помимо сомнений в надежности имеющейся статистики следует также указать на игнорирование интенсивности конфликта. Пересчитанные потери в единицу времени (сутки, неделя, месяц) весьма сильно искажают идеальную картину автора.

Известный биолог и антрополог Роберт Сапольски также отмечает изъяны работы с доисторическими обществами. Когда не хватает данных по доисторическим обществам, то либо прибегают к сравнениям с приматами, либо же используют этнографические отчеты XIX – середины XX века для экстраполяции уровня насилия на доисторические общества. Сравнения с приматами не выдерживают критики, поскольку мы разные эволюционные ветки. Обычно такие сравнения делают на материале анализа наблюдений за агрессивностью шимпанзе, но всячески игнорируют миролюбивых бонобо, хотя таксономически мы равноудалены и от шимпанзе, и от бонобо. В нас столько же сходств, сколько и различий [5, с. 284, 285].

Этнографический же материал не свободен от презентизма, то есть открытые по историческим меркам буквально вчера сообщества охотников-собирателей мы воспринимаем как аутентичные своим историческим предшественникам. Этого нельзя делать по нескольким причинам. Во-первых, современные туземные общества обладают более смертоносным оружием, чем их предки, благодаря торговым контактам с цивилизацией. Во-вторых, современные общества охотников-собирателей живут на периферии и давно согнаны с самых плодородных и выгодных территорий. Если же группам не пришлось переместиться, то такие территории сегодня представляют жалкое зрелище из-за отсутствия ресурсов [17, р. 44].

г) *Избирательный подход к репрезентации данных.* Самым оскорбительным научным грехом, в котором обвиняют Пинкера, является манипулирование статистикой. Общее возражение касается того, что если честно отложить на осях все доступные данные о насильственных конфликтах, то предложенная Пинкером картина снижения насилия окажется совсем другой.

К примеру, характеризуя насилие у догосударственных обществ, автор называет цифру в 500 человек на сто тысяч популяции, что выгля-

дит явным показателем частого кровопролития в первобытных обществах. Однако статистику может испортить любой значительный конфликт. Если обратиться к потерям Швеции за десятилетний период активного участия в Тридцатилетней войне (1621–1632), то прямые воинские потери составляют около 50 тысяч человек. Соотнося эти потери с населением Швеции (около миллиона человек), мы получим ту же цифру в 500 человек на сто тысяч популяции, что сравнимо с ужасами доисторического существования [17, р. 45].

Мануэль Айснер, специалист по исторической криминалистике, провел тщательную реконструкцию всех умышленных убийств в средневековом Лондоне за небольшой доступный отрезок времени (1300–1340). Собранный статистика показывает, что количество ежегодных убийств за указанный период не превышало 20 человек в год. И это явно не вписывается в идеальную концепцию Стивена Пинкера. Да, это не современный Сингапур (0.3 чел.), но и не Сальвадор (80 чел.). Скорее, средневековый Лондон где-то посередине, на уровне современной Мексики (20 чел.) [12, р. 17, 18].

Концептуальные возражения

Если предыдущий раздел касался в основном того, каким методом пользуется автор, как он работает с данными и статистикой, то критика концепции базируется на тщательном разборе главных идей.

Телеология. Любая концепция, которая имеет в своей основе ступенчатую структуру от варварства к прогрессу, сомнительна и требует уточнения. Объяснение изменений институтов обществ и ментальных установок – научная задача, но утверждение прогресса больше похоже на моральное утверждение без дополнительных пояснений. Более того, Пинкер обвиняет своих коллег в прогрессофобии, подразумевая, что его концепция и цифры говорят сами за себя: мы должны рукоплескать такому коммуникативному жесту, а не подвергать книгу скрупулезной и разгромной критике.

Европоцентризм. Пинкер на протяжении двух книг не устает повторять применимость своей концепции к мировой истории, однако вряд ли предоставил хоть одно свидетельство в пользу таких утверждений. Даже напротив, в нескольких местах он оговаривается, что надежные данные отсутствуют, а отличия между регионами тоже существенны. Однако это вовсе не добавляет осторожности: автор так и полагает, что даже если основные тенденции возникли на Западе, они всё равно распространяются диффузно, как расширяющиеся круги.

Государство. Для автора возникновение государства является важнейшим водоразделом между высочайшим уровнем насилия и появившейся силой, которая сдерживает общества. Критики полагают, что Пинкер не-

обоснованно смешивает в кучу все догосударственные общества. В действительности первобытные общества обладали самой различной конфигурацией и динамикой жизни. Однако автор их не различает. Для него нет разницы между охотниками-собираателями, овощеводами, переходными типами. Но для исследователей самым удивительным является факт игнорирования неолитической революции, который как раз конвенционально считается важнейшим фактором появления войн в современном понимании [18, р. 91].

Цивилизующий процесс. Некоторые возражения концентрируются вокруг альтернативных концепций. Линдстрём полагает, что у нас есть в наличии и другие концептуальные модели, способные объяснить понижение насилия, не прибегая к масштабным концепциям. В целом, даже теория аномии Дюркгейма является здесь конкурентной и способна справиться со многими случаями [17, р. 54]. Другие исследователи предлагают разделять теорию Элиаса как таковую и интерпретативные усилия Пинкера [14, р. 90]. Сам Элиас никогда не придавал своей концепции всемирный масштаб и приводил доказательства в пользу сугубо европейского характера процесса цивилизации. Кроме того, свои основные впечатления о Средневековье Элиас составил на основе знаменитой книги Йохана Хёйзинги [7], который характеризовал средневековых людей как импульсивных и по-детски непосредственных. Сегодня такая интерпретация является устаревшей, однако Пинкер вслед за Элиасом принимает такую предпосылку.

Просвещение. С точки зрения исследователей, эпоха Просвещения – сложное и комплексное явление, которое Пинкер олицетворяет с прогрессом и торжеством разума. Однако это лишь часть истории. Да, действительно, эпоха Просвещения совпала с научным энтузиазмом. В частности, сотни натуралистов со всего света поехали изучать флору и фауну. Однако оборотной стороной стали не только таксономии растений и животных, но и обществ. Знаменитый Карл Линней не стеснялся категоризировать людей в строгом научном духе по их расовым чертам. Великий француз Монтескье не только разрабатывал основы либерализма, но и предлагал убедительные по тем временам аргументы о связи цвета кожи и способностей [24, р. 61, 62].

Небеспорна и основная опора Пинкера в деле гуманизации обществ – рост грамотности и привычка к чтению. Линн Хант со своей книгой критиковалась за спорную концепцию причинности в истории. С точки зрения Хант (и Пинкера), существует ясная и прозрачная связь между чтением, мышлением и действием. Однако такую связь сперва нужно обосновать, а затем хорошо ее проиллюстрировать. Утверждение, согласно которому историей движут идеи, не принимает во внимание всю многогран-

ность исторических процессов, в которых важно учитывать социальные, политические и экономические факторы [11, p. 147].

Часть процессов гуманизации объясняется не победоносным шествием эмпатии, а внутренними, институциональными причинами. Судя по всему, Пинкер согласен с основным тезисом Мишеля Фуко об исчезновении публичных казней как демонстрации силы короля. Государство вдруг осознает, что варварский обычай публичной экзекуции тела можно без потерь и даже более эффективно заменить на ограничение свободы и внедрение труда заключенных. Тезис *«не карать тело, но карать душу»* сегодня выглядит лишь как часть объяснения. Процесс изменения уголовного судопроизводства, как полагают исследователи, объясняется внутренними институциональными причинами: незадолго до отмены казней мы фиксируем внедрение тюремного заключения, что способствует отмиранию привычки выбивать силой признание из обвиняемого. Следом за внедрением тюремного заключения меняются и стандарты доказательства вины [1, p. 149, 150].

Заключение

Несмотря на разгромную критику, у книги Пинкера о насилии есть одно безусловное преимущество – мобилизующий дискуссионный потенциал. В обычных обстоятельствах специалисты-гуманитарии испытывают стеснение или не хотят общаться с публикой на острые темы. Но данный труд стал катализатором многих научных коллабораций, десятков научно-популярных статей, а также неисчислимого количества интервью и заметок в медиасфере.

Это связано не только с тем, что Стивен Пинкер нахально зашел на чужую территорию и тем самым возмутил многих специалистов своими необоснованными выкладками. Основной фактор впечатляющей медиапопулярности приходится на соблазн провозглашения современности как эталона гуманизма, разума и прогресса. Поскольку ставки очень высоки, обе стороны не гнушаются как прямыми оскорблениями, так и навешиванием ярлыков. Пинкер со своей стороны бросается обвинениями в прогрессофобии, а сомневающимся в чрезмерном доисторическом насилии ученых и вовсе называет «антропологами-миролюбями». Научное сообщество отвечает Пинкеру взаимностью: в его трудах подсчитывают грубые и мелкие ошибки; его обвиняют в манипуляциях со статистикой; в использованных им концепциях обозначаются изъяны и разночтения.

Однако главная проблема глубже. Если часть научного сообщества готова признать факт смелого и достойного внимания исследованию, то Пинкер не готов признавать свои ошибки и отказываться от многих высказанных идей. Это видно ретроспективно спустя десять лет. Первая книга Пин-

кера была посвящена концепции насилия и важнейшим аргументам своей теории. Вторая защищает концепцию и пытается доказать, что его критики не понимают очевидного. Третья книга, вышедшая в сентябре 2021 года под названием «Рациональность», выглядит как фундаментальный вызов всем критикам: вы не только неправильно интерпретируете мою концепцию, но и вовсе неверно пользуетесь критическим мышлением. Замечание саркастическое, но отражает главный пафос обороны автора.

Литература

1. *Даймонд Д.* Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. – М.: АСТ, 2008. – 762 с.
2. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 591 с.
3. *Пинкер С.* Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 952 с.
4. *Пинкер С.* Просвещение продолжается: в защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 626 с.
5. *Сапольски Р.* Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. – М.: Альпина нон-фикшн, 2020. – 766 с.
6. *Харафи Ю.* Sapiens: краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2019. – 516 с.
7. *Хейзинга Й.* Осень Средневековья: исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. – Изд. 7-е, испр. – СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2016. – 765 с.
8. *Элиас Н.* О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 330 с.
9. *Элиас Н.* О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 380 с.
10. *Butler S.M.* Getting medieval on Steven Pinker: Violence and medieval England // *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence* / ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. – New York: Bloomsbury Academic, 2021. – P. 125–141.
11. *Dwyer P.* History, violence and the Enlightenment // *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence* / ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. – New York: Bloomsbury Academic, 2021. – P. 142–160.
12. *Dwyer P., Micale M.S.* Steven Pinker and the nature of violence in history // *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence* / ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. – New York: Bloomsbury Academic, 2021. – P. 1–20.
13. *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence* / ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. – New York: Bloomsbury Academic, 2021. – 416 p.

14. *Dwyer P., Roberts-Pedersen E.* Steven Pinker, Norbert Elias and the Civilizing Process // *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence* / ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. – New York: Bloomsbury Academic, 2021. – P. 87–104.
15. *Fibiger L.* Steven Pinker's 'prehistoric anarchy': a bioarchaeological critique // *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence* / ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. – New York: Bloomsbury Academic, 2021. – P. 107–124.
16. *Hunt L.* *Inventing human rights: A history.* – New York: WW Norton & Co., 2008. – 272 p.
17. *Lindström D.* Pinker and the use and abuse of statistics in writing the history of violence // *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence* / ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. – New York: Bloomsbury Academic, 2021. – P. 39–56.
18. *Malešević S.* *The Sociology of War and Violence.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 374 p.
19. *Pinker S.* *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined.* – London: Penguin, 2011. – 832 p.
20. *Pinker S.* *Enlightenment now: The case for reason, science, humanism, and progress.* – New York: Penguin, 2018. – 576 p.
21. *Singer P.* *The expanding circle: Ethics, evolution, and moral progress.* – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 232 p.
22. *Smail D.L.* The inner demons of *The Better Angels of Our Nature* // *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence* / ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. – New York: Bloomsbury Academic, 2021. – P. 23–38.
23. *Restall M.* A history of violence and indigeneity: Pinker and the Native Americas // *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence* / ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. – New York: Bloomsbury Academic, 2021. – P. 221–235.
24. *Weitz E.D.* Progress and its contradictions: Human rights, inequality and violence // *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence* / ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. – New York: Bloomsbury Academic, 2021. – P. 57–72.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021.

Статья прошла рецензирование 04.04.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-325-345

STEVEN PINKER'S CONCEPT OF GLOBAL VIOLENCE DECLINE AND THE RESPONSE OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY

Diatlov, Ivan,

Junior Researcher,

Institute of Philosophy and Law,

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,

8 Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation;

Lecturer of Specialized Educational Scientific Center of Novosibirsk State University,

11/1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3436-0368

i.diatlov@g.nsu.ru

Abstract

Two widely discussed books on violence by Steven Pinker offer a grand metanarrative about the movement of humanity towards reason, progress, and humanism. The article briefly generalizes the main author's methodological predispositions. The article also deals with the conceptual analysis of the theory. The scholar's theory is based on several key ideas: the state, gentle commerce, the taming of manners, and the Enlightenment. The main point is that society, passing successively through such stages-ideas, moves in the direction of greater progress and limitation of violence. As for the criticisms, we illustrate the limitations of the method chosen and the inadequacy of its objectives. First, the author uses the criminological method of counting the number of murders per hundred thousand in a population, which can only characterize one segment of violence. Secondly, the measured violence does not always correlate with other violent crimes. We also point out objective difficulties in working with the available statistics. In particular, we are confronted with fragmented data and incomparable methodology of data collection from predecessors. In addition, we reveal many mistakes, inaccuracies, and in many cases even deliberate discrepancies within representative data. Steven Pinker often resorts to overly sweeping generalizations and comparisons of difficult-to-compare cases. Many scholars have also noted the author's use of unprofessional literature. In terms of conceptual ideas, critics note the author's ignorance of contemporary debates and disregard for differences in the works of those classics used in the work. We should also note the rather unfriendly tone of the discussion on the part of all the participants, since the dispute is about big ideas, which often leads to direct insults and labeling. In conclusion, we praise the communicative gesture of challenging the scientific community, but it seems clear that the main goal to give proof towards violence decline is inconclusive.

Keywords: violence, decline, Pinker, Enlightenment, Elias, civilizing process, Leviathan.

Bibliographic description for citation:

Diatlov I. Steven Pinker's Concept of Global Violence Decline and the Response of the Scientific Community. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 2, pt. 2, pp. 325–345. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-325-345.

References

1. Diamond J. *Collapse: How societies choose to succeed or fail*. New York, Viking, 2005 (Russ. ed.: Daimond D. *Kollaps. Pochemu odni obschestva vyzhivayut, a drugie umirayut*. Moscow, AST Publ., 2008. 762 p).
2. Piketty T. *Capital in the 21st Century*. Cambridge, 2013 (Russ. ed.: Piketti T. *Kapital v XXI veke*. Moscow, Ad Marginem Press, 2016. 591 p).
3. Pinker S. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. London, 2011 (Russ. ed.: Pinker S. *Luchshee v nas: pochemu nasiliya v mire stalo men'she*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2021. 952 p).
4. Pinker S. *Enlightenment now: The case for reason, science, humanism, and progress*. New York, 2018 (Russ. ed.: Pinker S. *Prosveshchenie prodolzhaetsya: v zashchitu razuma, nauki, gumanizma i progressa*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2021. 626 p).
5. Sapolsky R. *Behave: The biology of humans at our best and worst*. New York, 2017 (Russ. ed.: Sapolski R. *Biologiya dobra i zla: rak nauka ob'yasnyayet nashi postupki*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2020. 766 p).
6. Harari Y. *Sapiens: A brief history of humankind*. New York, 2014 (Russ. ed.: Khara-ri Yu. *Sapiens: kratkaya istoriya chelovechestva*. Moscow, Sindbad Publ., 2019. 516 p).
7. Huizinga J. *Osen' Srednevekov'ya: issledovanie form zhiznennogo uklada i form myshleniya v XIV i XV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh* [Waning of the Middle Ages: a study of the forms of life, thought, and art in France and the Netherlands in the XIVth and XVth centuries]. St. Petersburg, I. Limbakh Publ., 2016. 765 p. (In Russian).
8. Elias N. *O protsesse tsivilizatsii: sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya*. T. 1. *Izmeneniya v povedenii vysshego sloya miryan v stranakh Zapada* [The Civilizing Process, Vol. 1. The History of Manners]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 330 p. (In Russian).
9. Elias N. *O protsesse tsivilizatsii: sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya*. T. 2. *Izmeneniya v obschestve. Proekt teorii tsivilizatsii* [The Civilizing Process, Vol. 2. State Formation and Civilization]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 380 p. (In Russian).
10. Butler S.M. Getting medieval on Steven Pinker: Violence and medieval England. *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence*. Ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. New York, Bloomsbury Academic, 2021, pp. 125–141.
11. Dwyer P. History, violence and the Enlightenment. *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence*. Ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. New York, Bloomsbury Academic, 2021, pp. 142–160.
12. Dwyer P., Micale M.S. Steven Pinker and the nature of violence in history. *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence*. Ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. New York, Bloomsbury Academic, 2021, pp. 1–20.

13. Dwyer P., Micale M.S., eds. *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence*. New York, Bloomsbury Academic, 2021. 416 p.
14. Dwyer P., Roberts-Pedersen E. Steven Pinker, Norbert Elias and the Civilizing Process. *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence*. Ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. New York, Bloomsbury Academic, 2021, pp. 87–104.
15. Fibiger L. Steven Pinker's 'prehistoric anarchy': a bioarchaeological critique. *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence*. Ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. New York, Bloomsbury Academic, 2021, pp. 107–124.
16. Hunt L. *Inventing human rights: A history*. New York, WW Norton & Co., 2008. 272 p.
17. Lindström D. Pinker and the use and abuse of statistics in writing the history of violence. *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence*. Ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. New York, Bloomsbury Academic, 2021, pp. 39–56.
18. Malešević S. *The Sociology of War and Violence*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 374 p.
19. Pinker S. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. London, Penguin, 2011. 832 p.
20. Pinker S. *Enlightenment now: The case for reason, science, humanism, and progress*. New York, Penguin, 2018. 576 p.
21. Singer P. *The expanding circle: Ethics, evolution, and moral progress*. Princeton, Princeton University Press, 2011. 232 p.
22. Smail D.L. The inner demons of The Better Angels of Our Nature. *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence*. Ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. New York, Bloomsbury Academic, 2021, pp. 23–38.
23. Restall M. A history of violence and indigeneity: Pinker and the Native Americas. *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence*. Ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. New York, Bloomsbury Academic, 2021, pp. 221–235.
24. Weitz E.D. Progress and its contradictions: Human rights, inequality and violence. *The Darker Angels of Our Nature: Refuting the Pinker theory of History and Violence*. Ed. by P. Dwyer, M.S. Micale. New York, Bloomsbury Academic, 2021, pp. 57–72.

The article was received on 16.12.2021.

The article was reviewed on 04.04.2022.